

Николай Добролюбов

Песни Беранже

Николай Александрович Добролюбов

Песни Беранже

«...До последнего времени многие считали у нас Беранже не более, как фривольным певцом гризеток и вина и отчасти политическим памфлетистом. Только недавно, с появлением в русских переводах многих песен Беранже и нескольких статей о нем в русских журналах, это мнение стало изменяться и уступать место более правильным понятиям. И в этом случае заслуга первого и до сих пор лучшего ознакомления русской публики с Беранже принадлежит, бесспорно, г. Курочкину...»

Николай Александрович Добролюбов Песни Беранже

*Переводы Василия Курочкина. СПб.
1858. Два издания.*

Песни Беранже

*Некрасова, Полежаева, Цыганова, баро-
на Дельвига, Бенедиктова, А. Пушкина,
Кольцова, Языкова, Батюшкова, Л. Мея.
Москва. 1858.*

Беранже понравился русской публике, наконец получившей возможность хотя отчасти узнать его из многочисленных переводов, помещавшихся в последнее время в журналах. Г. Курочкин успел даже составить себе известность своими прекрасными переводами песен Беранже. Первое издание его переводов, вышедшее в начале нынешнего года {1}, разошлось очень скоро, и теперь г. Курочкин является с новым изданием, в котором к прежним стихотворениям прибавил еще десять песен, переведенных им из посмертного издания Беранже. Оба издания г. Курочкина очень изящны, при обоих приложен очень хорошо сделанный портрет французского поэта. В начале второго издания переводчик напечатал свое стихотворение на смерть Беранже, представляющее довольно удачную характеристику некоторых сторон его таланта {2}, Нет сомнения, что и второе издание «Песен Беранже» будет иметь такой же успех, какой имело первое.

Что Беранже получил уже некоторую популярность в русской публике, это доказывает, между прочим, книжка, заглавие которой

мы выписали рядом с переводами г. Курочкина. Книжка составлена не то, чтоб совершенно уж дурно; но ее заглавный лист на обертке бьет на спекуляцию. На обертке книжки вообще нет перечисления имен, которое находится в заглавии, напечатанном внутри книжки, а просто напечатано крупным шрифтом: «Песни Беранже», и потом мелко прибавлены слова: «и пр.». Этих слов с первого раза легко не заметить, и мы видели несколько человек, которые были обмануты заглавным листом и принимали книжку за сборник песен Беранже. Между тем в ней всего 16 песен из Беранже, в переводах г. Курочкина и Д. Ленского. Остальные 70 песен взяты из разных русских писателей, и в число этих песен попали, напр.: «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, «Песнь барда во время владычества татар над Россиею» Языкова и т. п. Составитель книжки, очевидно, не признает того, что песня песне рознь, а полагает, что ежели уж песня, так и тискай ее в песенник... Назвался, дескать, груздем, так полезай в кузов... Подобные соображения, вероятно, руководили издателем при помещении в его книжке некоторых сти-

хотворений Батюшкова, Дельвига, Языкова. Но вот для чего мы уже решительно не можем приискать никаких резонансов – это напечатание в сборнике отменно длинного нравоучительного стихотворения г. Бенедиктова: «Посещение правды». Оно заняло в книжке 21 страницу; даже прочесть-то такую пучину резонерства не у всякого духу достанет; неужели же хватит у кого-нибудь груди и горла на то, чтобы *пропеть* все это?

Мы упомянули об этой книжке единственно для того, чтобы предостеречь тех, которые захотят приобрести песни Беранже, от смещения «Песен Беранже и пр.» от «Песен Беранже» просто, без *прочего*. Теперь же мы обратимся к переводам г. Курочкина и постараемся показать, насколько верное и полное понятие сообщают они русским читателям о характере поэзии Беранже.

До последнего времени у нас люди, не читающие по-французски, имели очень смутное понятие о Беранже. Знали, что Беранже сочиняет хорошие песни, но этим все сведения и ограничивались. Переводов этих песен почти не было, а если и появлялись они, то всегда,

по какой-то странной случайности, выбор переводчиков падал на самые невинные вещи Беранже, и печатались эти переводы, тоже по какой-то особенной скромности, с невинным изъяснением: с *французского*, а иногда и вообще без изъяснения. А в то же время – офранцуженная молодежь высших классов, вроде графа Нулина, и банальные старички, желавшие молодиться, считали обязанностью быть знакомыми:

*С bons-mots [1] французского двора,
С последней песней Беранжера...
{3}*

Понятно, что внимание таких читателей привлекалось почти исключительно тем, что было в Беранже фривольного и скандального. Перечитывали, списывали и знали наизусть некоторые нескромные пьесы [вроде «La bacchante», «Le bon pape», «Les reliques», «Le vieux celibataire», «Le bon Dieu» [2] и т. п.], не обращая внимания на другие пьесы, в которых талант Беранже выказывался шире и серьезнее. Таким образом, знакомясь с Беранже кое-как, исподтишка и не вполне, у нас

многие узнали и именно [те] его пьесы нескромного содержания [, которые возбуждали особенное негодование строгих блюстителей общественной нравственности и порядка]. До последнего времени многие считали у нас Беранже не более, как фривольным певцом гризеток и вина и отчасти политическим памфлетистом. Только недавно, с появлением в русских переводах многих песен Беранже и нескольких статей о нем в русских журналах, это мнение стало изменяться и уступать место более правильным понятиям. И в этом случае заслуга первого и до сих пор лучшего ознакомления русской публики с Беранже принадлежит, бесспорно, г. Курочкину.

В коротеньком предисловии к первому изданию своих переводов г. Курочкин говорит, между прочим, о своем предположении «представить со временем характеристику Беранже, – поэта и человека, – как его понимают лучшие люди в Европе». Нельзя не пожелать, чтоб г. Курочкин поскорее исполнил свое намерение. Беранже – одна из лучших поэтических личностей современной Европы, и между тем до сих пор его значение опреде-

лено вполне хорошо, кажется, только им самим. У самих французов нередко раздаются странные и кривые толки аристархов об их национальном поэте. Недавно попалась нам в «Revue des deux Mondes», начала нынешнего года, статья: «Последнее слово о Беранже», написанная г. Монтегю по поводу автобиографии Беранже. Статья эта разбирает политические тенденции поэта, и худо скрытое негодование орлеаниста против демократа прорывается в ней на каждой странице. Выставляя свою критическую пронизательность, г. Монтегю говорит, что он всегда был убежден в отсутствии твердых политических начал у Беранже, и не без удовольствия прибавляет, что чтение автобиографии подтвердило его уверенность. Особенное недовольство характером Беранже выказывает г. Монтегю, разрушая «упорные иллюзии тех, которые видят в Беранже республиканца, приписывают ему политические пристрастия и смотрят на него как на защитника свободы». Ничего подобного не было, с негодованием говорит г. Монтегю, для Беранже было решительно все равно, королевство или республика, тот или другой

образ правления. Он писал, правда, смелые песни против Бурбонов, он не любил Реставрации; но это не потому, что Реставрация была противна свободе, не потому, что Бурбоны были ретроградны, а потому только, что это были Реставрация и Бурбоны. В сущности Беранже был наполеонист, и нередко даже более наполеонист, чем сам Наполеон. Он старается показать, будто весь век был верен республиканским идеям, но в самом деле республика была для него только холодной, законною супругою, в душе же его постоянно пылала другая страсть, гораздо более пылкая... В таком роде рассуждает г. Монтегю и заключает свои рассуждения следующими словами: «Каково бы ни было в будущем суждение публики о Беранже, примет ли она его политические идеи или отвергнет их, мы очень счастливы, что поэт сам позаботился (в своей биографии) доказать ту истину, которая многих смущает и с которою многие не хотят согласиться: именно, что демократ не всегда есть сугубый (double) [3] либерал».

Читая подобные замечания, изложенные в тоне худо сдержанной иронии, только удив-

ляешься узости взгляда, который критик не только усвоил себе, но еще навязывает и Беранже. Нам, разумеется, нет никакого дела до того, каких именно политических мнений и до какой степени безукоризненно держался Беранже, и мы не имеем ни малейшей претензии защищать французского поэта от нападений французского критика. Но нельзя не заметить того, как высоко, после всех этих обвинений, становится Беранже над близорукими либералами, подобными г. Монтегю. Для них очень важна форма; для них главное дело в игре слов, выражающих по большей части отвлеченные понятия. Они никак не могут понять равнодушия человека, напр., к каким-нибудь изменениям в форме правления; не могут простить, если кто с холодностью примет какие-нибудь либеральные фразы или новые формы учреждений. Они никак не могут дорасти до взгляда человека, который ищет только существенного добра, мало обращая внимания на внешнюю форму, в которой оно может проявиться. Беранже, судя по его песням и по его собственным признаниям, был именно один из немногих людей, облада-

ющих таким высшим, гуманным взглядом. Очень может быть, что он и не выработал своих воззрений с последовательностью и строгостью теоретика, но он ясно сознавал и сильно чувствовал их инстинктом своей благородной природы. Инстинкт этот далеко возвышался над мелкими интересами враждебных партий; он всю силу своей направлялся в одну сторону – к достижению блага народного. Кто более делал или даже только желал, обещал сделать для народа, кто приобретал народную любовь, к тому стремились и симпатии поэта. Таким образом, он, действительно, не был ни республиканцем, ни роялистом, ни либералом, ни наполеоновцем: он стоял выше всех их, на высоте своей чистой, поэтической любви к народному благу. «Le peuple – s'est ma muse» [4], – говорит он сам, и едва ли можно лучше выразить в коротких словах характер всей его поэзии. В этой-то симпатии к народу и заключается причина необыкновенной популярности Беранже, этим-то и отличается он от эфемерных памфлетистов, сочиняющих зажигательные политические стихи, вызванные потребностью

минуты и интересом партии. Тех обыкновенно бросают и забывают через несколько дней после их появления, а Беранже читают и перечитывают даже те, которым совершенно чужды и события и тенденции, вызвавшие ту или другую из его песен. Это потому, что всякий порядочный человек необходимо сходится с Беранже в одном главном мотиве его песен – в любви к народному благу. Сам Беранже сознается в предисловии к одному из изданий своих песен, что по мере того как он мужал, внимание его все более и более отвлеклось от вопросов политических к явлениям чисто социального характера. «Предположивши установленным какой-нибудь правительственный принцип, – говорит он, – естественно чувствуешь в уме потребность применения его ко благу возможно большего числа людей. Благо человечества было думою всей моей жизни, и, без сомнения, я обязан этим состоянию, в котором я родился (читателям, конечно, известно, что Беранже происходил из простого звания: дед его был портной), и практическому воспитанию, которое там получил. Конечно, не простому песеннику ре-

шать важные вопросы общественных улучшений. Но, к счастью, много нашлось людей молодых и смелых, просвещенных и пылких, которые так уяснили и упростили эти вопросы, что сделали их доступными самому простому взгляду. Мне отрадно было, что некоторые из моих песен могли доказать этим людям мою симпатию к их благородным предприятиям»{4}.

Таким образом, сам Беранже представляет нам свою поэзию делом служения народной пользе. Чтоб видеть, как понимал он это служение, приведем из того же предисловия некоторые мысли, относящиеся к содержанию и характеру его песен. «Любовь к отечеству и любовь к независимости, – говорит он, – составляют два главные предмета моих песен, и я старался говорить о них языком, понятным народу. Ведь эти предметы не такие важные особы, чтоб и уж не могли спуститься до народа. Напротив, с тех пор как народ с конца прошлого века стал принимать сознательное участие в политических событиях, его понятия возвысились и облагородились. Теперь уже и в песне ему не довольно

одного только вина, разгула, бестолковой веселости: это может составлять только рамку, в которой должна быть вставлена картина, заключающая какую-нибудь серьезную идею. Смеясь только над обманутыми мужьями да над корыстолюбивыми чиновниками, нельзя уже получить полного успеха и среди рабочего класса; для народа нужно уже побольше. Оттого и назначение песни народной теперь должно быть выше и чище. Мало даже того, чтобы она нравилась только простому народу, она должна проникнуть и в высшие классы, чтобы и в них пробудить участие к горестям и страданиям народа!» И песни Беранже действительно выполняли это высокое и святое назначение. Он сделался популярным поэтом не только во Франции, но и в странах, далеких от его отечества.

Зная о своей популярности, Беранже, в том же предисловии, скромно говорит, что великие поэты Франции, конечно, легко затмили бы его известность, если бы они не пренебрегали «спуститься иногда с высот старого Пинда, который немножко уж слишком аристократичен для духа нашего языка. Им бы на-

добно было отказаться от некоторой части их великолепных фраз. К сожалению, мы, по старой, укоренившейся привычке, до сих пор смотрим на народ с каким-то предубеждением. Он все представляется нам грубой толпой, неспособной к возвышенным, благородным и нежным ощущениям. А между тем, напротив, в нашем обществе все эти чувства развиты гораздо меньше. Если еще есть в мире поэзия, то ее нужно искать среди народа. Да, надобно трудиться для него, надобно вдохновляться им, но для этого надобно знать его и сочувствовать ему. А то иногда мы, пожалуй, и беремся за народные предметы для того, чтобы заслужить себе хвалу, но мы поступаем тут подобно тем богачам, которые, желая удивить народ, бросают ему на голову гнилое мясо и заливают его разбавленным вином. Посмотрите хоть на наших живописцев; они никогда не представляют лиц простого народа, даже в исторических картинах. Это, по их мнению, могло бы повредить изяществу и нарушить эффект. Но народ не имел ли бы полного права сказать тем, которые так его трактуют: «Разве я виноват в том, что я так жалко

выродился, что черты мои искажены нищетою, а иногда и пороком? Но в этих бледных, истощенных чертах горел когда-то энтузиазм отваги и свободы! Но под этими лохмотьями течет кровь, которую проливал я за вас, при первом призыве отечества. Изобразите меня в ту минуту, когда я умираю за вас. Тогда черты мои прекрасны!» И этот народ был бы прав, говоря таким образом».

Все эти мысли не составляют у Беранже отвлеченного воззрения: они составляют результат и содержание всей его жизни, всей его поэтической деятельности. Во всех его песнях любовь к родине сливается с любовью к народу; он справедливо и гордо презирает те мишурные фразы о какой-то отвлеченной любви к величию родной страны, под которыми обыкновенно укрывается своекорыстие или сухость сердца. Он с насмешкою отзывается о тех мнимых преимуществах и благах, к которым так многие стремятся. Нельзя не видеть глубокой мысли в той иронии, с какою он перечисляет все эти блага, напр., в стихотворении «Conseille aux Beiges» [5].

Любовь к народу постоянно одушевляла

Беранже. Она руководила им постоянно во всех взглядах на политические события и на знаменитые личности. Это выразил он, когда говорил Шатобриану в 1831 г.: «Служи народу, этому благородному народу, полному великих даров...»:

*Ne sers que lui...
Sa cause est sainte.
Il souffre; et tout grand homme
Aupres du peuple est l'envoye de Dieu
[6].*

Гуманное чувство самой чистой и справедливой любви к народу и к его благу действительно, а не нарицательному только, выражается во всех почти песнях Беранже. Даже если он воспеваает предметы, по-видимому чуждые народу, и это происходит от его особенного взгляда на предмет, благоприятного для народа. Так, часто упрекали его за то, что он воспеваает Наполеона со слишком большим жаром. Объяснение этого находим отчасти опять в его предисловии, где он упоминает о Наполеоне и о последующих политических деятелях. Вот смысл его слов:

«Я с энтузиазмом удивлялся гению Напо-

леона, потому что он был обожаем народом, видевшим в нем представителя победоносного равенства (le representant de l'egalite victorieuse). Но это не мешало мне с ужасом видеть возрастающий деспотизм императора. При его падении я сожалел только о бедствиях отечества. К Бурбонам я был безразличен, но я надеялся, что при их слабости легко будут восстановлены некоторые народные льготы. Что касается до народа, *от которого я никогда не отделялся*, то мне казалось, что, после ужасной развязки столь продолжительных войн, и он был не против правителей, которых для него отыскивали. Но скоро иллюзии разрушились; через несколько месяцев самые близорукие увидели, что надеяться нечего. Возвратился Наполеон с Эльбы, но во время «Ста дней» я уже не увлекся общим энтузиазмом: я видел, что Наполеон не может править ко благу народа. Тогда сложил я песню «Политика Лизы»{5} и в ней выразил свои опасения; больше этого расправить крылья я тогда не мог».

Пьеса эта, полная легкого юмора, заключает в себе действительно очень ясные намеки

на владычество Наполеона. Напр., вот один куплет этой песни:

*Combien les belles et les princes
Aiment l'abus d'un grand pouvoir!
Combien d'amants et de provinces
Pousses enfin au desespoir!
Crains que la revolte ennemie
Dans ton boudoir ne trouve acces;
Lise, abjure la tyrannie,
Pour le bonheur de tes sujets [7].*

Конец этой песни также представляет приращение к тогдашним обстоятельствам Франции и Наполеона, как понимал его Беранже. «Лиза, – умоляет поэт, – сделайся доброй властительницей, уважай нашу свободу. Укрась чело свое розами, собранными любовью, и сохрани надолго свой венок (couronne) для блага тебе подвластных».

Вот в каких песнях выражался, когда нужно было, наполеонизм поэта, и вот какое значение имели иногда стихи его, обращенные к Лизете. Не мудрено, что они быстро расходились и выучивались во всей Франции.

«При новом возвращении Бурбонов, – продолжает Беранже, – я был убежден, что они

ничего не сделают для народа. Но в самом народе я сначала не видел такого убеждения, и потому постоянно наблюдал его положение и чувства при всяком новом событии. Его впечатления и настроения определили роль, которую выполнил я в тогдашней оппозиции. Народ – это моя муза».

Так писал Беранже 25 лет тому назад (в 1833 г.). Тот же самый взгляд выражал он через десять лет (в 1842 г.) при новом издании своих песен. Тогда он писал, между прочим: «Наши партии слабы, ничтожны; отсутствие твердых убеждений и раздоры их внушают к ним пренебрежение. И теперь народ, вразумленный зрелищем наших мещанских и жадных честолюбий, разочарованный в большей части людей, бывших его кумирами, – *настоящий народ, для которого и с которым я пел*, обреченный на то, чтоб ничему более не верить и ничего не любить, он теперь держится совершенно в стороне от политических эволюции, как бесстрастный жюри, который, однако, произнесет когда-нибудь окончательное решение долгих споров нашей зазорной эпохи».

Сделанные нами извлечения из двух предисловий Беранже выражают, кажется, довольно ясно сущность его общих воззрений на деятельность политических партий и его понятия о значении собственного его таланта. Кто знает песни Беранже, тот, конечно, согласится, что большая часть их не противоречит этим воззрениям. Многие упрекали Беранже за его излишнее пристрастие к Наполеону; другие восставали против слишком легкого взгляда его на любовь и вообще на женщин. Но относительно Наполеона Беранже признается в своей автобиографии, что энтузиазм к нему разделял с целой нацией, пока не увидел, что император посягает на многие права и на благосостояние народа. В Наполеоне долгое время Беранже видел не просто властителя, а гениального представителя народа. В одном месте своего предисловия он выражается о Наполеоне таким образом: «Величайший поэт новых и, может быть, всех времен, Наполеон, когда только он отступал от подражания старым монархическим формам, смотрел на народ так, как должны были бы смотреть все наши лучшие поэты и арти-

сты. Он умел понять, до какой высоты могут достигнуть инстинкты массы, если только уметь возбуждать их. Можно подумать, что именно для удовлетворения этим инстинктам он столько волновал мир». Конечно, Беранже ошибался, увлечения его были ложны, но все-таки нельзя не сказать, что источник этих увлечений никак не заслуживает порицания.

Что касается до фривольности некоторых песен Беранже, то он сам очень справедливо замечает, что ведь они не назначались им в руководство при воспитании молодых девиц. «Притом же, – говорит он, – эти песни, внушенные безумными порывами молодости, были чрезвычайно хорошим подспорьем для других песен, в которых развивались идеи более серьезные и важные. Без этой легкой и фривольной веселости и серьезные песни не пошли бы так далеко, не спустились бы так близко к народу, и даже *не поднялись бы так высоко*: пусть не оскорбится этим деликатность светских салонов».

Но, независимо от этого оправдания, нужно сказать, что большая часть песен, в кото-

рых женщина трактуется слишком, по-видимому, легкомысленно, представляет скорее очерки нравов, нежели личные убеждения Беранже. У него есть песни, проникнутые высоким пафосом любви. Если у него представляется старушка, говорящая своим внукам:

*Э, детки, женский наш удел:
Уж если бабушки шалили,
Так вам и бог велел...{6} —*

зато есть у него и другая старушка, которая является до конца жизни верною памяти своего друга, любящею его песни, гордою тем, что друг ее никогда в жизни не делал ничего бесчестного. С этой подругой разделял он благороднейшие свои стремления, свои возвышеннейшие чувства; она внимала не только излияниям его любви к ней, но и песням, вызванным любовью к народу. В стихотворении «La bonne vieille» [8] есть, между прочим, куплет, почему-то пропущенный в переводе г. Курочкина и заключающий в себе напоминание об этих песнях. Поэт говорит:

*Vous que j'appris a pleurer sur la
France,*

*Dites surtout aux fils des nouveaux
preux,
Que j'ai chante la gloire et l'esperance
Pour consoler mon pays malheureux
[9].*

Правда, что в большей части эротических песен Беранже рисуется ветреная Лизета, и припев: «Vive la grisette!» [10] идет ко многим из этих песен. Но в самой легкости, с которою поэт уступает другим сердце своей Лизеты, едва ли можно видеть только ветренность и неспособность к сильной страсти. Тут есть характеристическая черта, более глубокая, проявляющаяся, кроме Беранже, еще в некоторых стихотворениях Гейне. Это уважение к свободе выбора в женщине и вполне гуманное признание того, как нелепы и бессовестны всякого рода принудительные меры в отношении к женскому сердцу. Беранже, как истинный поэт и порядочный человек, не мог унизиться до того, чтобы позволить себе презирать и ненавидеть женщину за то только, что она, переставши любить одного, отдалась другому. Он знал, что это в порядке вещей, и не мог трактовать женские чувства и увлече-

ния с точки зрения какого-нибудь Малек-Адела{7} или пушкинского Алеко. Он понимал, что, теряя любовь женщины, можно обвинять только самого себя за неумение сохранить эту любовь; о женщине же можно только сожалеть, если новая любовь ее обращается на предмет недостойный, и стараться извлечь ее из ложного положения, в которое она попадает. Гнев, ненависть, насильственные меры, формальные стеснения, бешеные порывы обнаружат только слабость характера или узость понятий и недостаток гуманности. Точно так же негуманно и презрение к увлекшейся женщине; и истинная поэзия, сколько мы можем припомнить себе, постоянно находила для них не голос осуждения, а звуки примирения и любви. В этом отношении на нас всегда производили сильное впечатление два стихотворения Гейне, составляющие, собственно, одно целое и выражающие это примирение с особенною простотою. Мы кстати приведем их здесь в переводе, который находится у нас под руками и который не был еще напечатан{8}.

На белую грудь твою, друг мой,

*Припавши своей головой,
В биении сердца подслушал
Я тайну души молодой.
К нам в город вступают гусары...
Чу! слышен их музыки звук...
И завтра меня ты покинешь,
Всем сердцем любимый мой друг!
Пусть завтра меня ты покинешь,
Но нынче еще ты моя,
И нынче в объятиях милой
Вдвойне хочу счастлив быть я...*

*От нас выступают гусары.
Чу! слышен их музыки звук...
И с розовым, пышным букетом
К тебе прихожу я, мой друг.
Здесь дикое было хозяйство:
Толпа и погром боевой...
И даже, мой друг, в твоём сердце
Большой был военный постой...*

Во многих из песен Беранже находим мы тот же основной мотив, как и в этих стихах Гейне, только у французского поэта чувство его выражается с большей легкостью и игривостью, даже – можем сказать – с некоторым легкомыслием и небрежностью, и уже без всякого оттенка грусти, которая так неразлуч-

на с иронией Гейне.

Указавши несколько черт для характеристики поэзии Беранже, обратимся теперь к переводам г. Курочкина. Прежде всего обратим внимание на выбор пьес. Всех их теперь напечатано в книжке г. Курочкина 48, – количество, достаточное для того, чтобы дать довольно полное понятие о поэте как со стороны внешней формы так и относительно содержания.

Нельзя сказать, чтоб эти пьесы были самыми яркими и сильными из беранжеровских песен, но по большей части выбор г. Курочкина довольно удачен. По крайней мере половина из напечатанных им переводов содержит в себе песни очень характеристичные. Назовем, напр., «Тоска по родине», «Бедняга-чудак», «Добрая фея», «Добрый знакомый», «Орангутанги», «Нет, ты не Лизета», «Кукольная комедия», «Старый капрал», «Веселость», «Гусар». В «Песне труда» хорош refrain: [11]

*Слава святому труду!
Бедность и труд
Честно живут,
С дружбой, с любовью в ладу.*

Слава святому труду!

Припев этот сочинен г. Курочкиным, но нам кажется, что в своем роде он не хуже припева подлинника:

*Les gueux, les gueux,
Sont les gens heureux;
Ils s'aiment entre eux.
Vivent les gueux! [12]*

Вообще, о г. Курочкине напрасно думают, что он переводит чрезвычайно близко к букве подлинника. Он нередко уклоняется от слов французской песни и дает мысли Беранже свой самостоятельный оборот. Иногда эти обороты очень удаются переводчику, но надо признаться, что чаще они ослабляют силу беранжеровского стиха. Это особенно бывает тогда, когда г. Курочкин принимается, по непонятной для нас робости, *смягчать* резкие выражения поэта. Представим несколько примеров.

В песне странника г. Курочкин до того смягчил жалобы ожесточенного путника, что в переводе едва остается намек на то, что выражается в песне Беранже. С самых первых

слов старика смысл подлинника изменен. Там говорится, что рок несправедлив, но не вечно же он преследует бедами —

*Le sort est injuste, sans doute,
Mais il n'est pas toujours rigoureux
[13].*

А г. Курочкин перевел это стихами:

*Пусть злые люди к людям стро-
ги,
Отец небесный справедлив.*

Точно такие изменения сделаны в переводе всей пьесы. Даже самые сильные стихи перевода:

*И если в небе торжествует
Свет вечной правды – для чего?
Зачем? Когда не существует
Ни злых, ни добрых для него... —*

и эти стихи все еще слишком слабы, слишком смягчены в сравнении с силою основной мысли подлинника. Впрочем, в большей части подобных случаев мы не обвиняем г. Курочкина: его перевод назначался для русской публики и потому, кроме личного искусства переводчика, требовал еще соблюдения неко-

торых других условий, не существовавших для французского поэта{9}.

Вообще переводы г. Курочкина кажутся для русского читателя хороши, сильны, свободны, если их не сравнивать с подлинником. Но сравнение, разумеется, тотчас дает видеть, как трудно еще современному русскому поэту возвыситься до той силы и энергии выражения, какою обладает Беранже. Вот, например, куплет из песни «Соловьи»;

*Улетайте далеко-далеко
От рабов, к вашим песням глухих,
Заковавшихся с целью жестокой*

—
*Заковать в те же цепи других.
Пусть поет гимны лести голод-
ной
Хор корыстью измученных слуг...
Я, как вы, распеваю свободно...
Соловьи, услаждайте мой слух...*

По-видимому, стихи эти очень сильно и очень ясно выражают идею; но сравните с ними тот же куплет по-французски, и вы увидите, что в последних четырех стихах допущена неопределенность, которой нет в подлинни-

ке.

[Вот этот куплет по-французски:

*Vous qui redoutez lesclavage,
Ah, refusez vos tendres airs
A ces nobles qui, d'age en age,
Pour en donner portent des fers.
Tandis qu'ils veillent en silence,
Debout, aupres du lit d'un roi,
C'est la liberie que j'encense:
Doux rossignols, chantez pour moi.]
[14]*

Подобное смягчение находим в некоторых стихах пьесы «Мое призвание». Например, стихи:

*Le char de l'opulence
L'eclabousse en passant;
J'eprouve l'insolence
Du riche et du puissant;
De leur morgue tranchante
Rien ne nous garantit [15], —*

переведены у г. Курочкина следующими стихами:

*Мне наглým блеском жжет
Глаза богач спесивый.
Гнетет меня, гнетет*

*Вельможа горделивый;
И злоба и порок
Кишат передо мною.*

В первых стихах является *наглый блеск* вместо *брызгов грязи*, в последних поставлена бесцветная и даже тривиальная фраза вместо сильного и резкого выражения подлинника [«от их наглой надменности ничто не ограждает нас»].

Еще чувствительнее изменение смысла в переводе стихов:

*La liberte m'enchante,
Mais j'ai grand appetit [16], —*

стихами:

*В оковах изнемог
Измученный, больной.*

Здесь в переводе нет даже тени подлинника, не сохранено даже ни малейшего намека на мысль, заключающуюся во французских стихах.

Некоторые из переводов г. Курочкина представляют просто переделки Беранже, не всегда удачные. Например, в стихотворении «Если б я был птичкой!» есть у г. Курочкина

следующий куплет:

Чужа в воздухе страданья
И потоки слез,
Я бы на берег изгнанья
Мира весть принес.
Царь Саул бы в звуках хора
Дух унынья и раздора
И свой гнев забыл.
Я летал бы скоро-скоро,
Если б птичкой был.

Кто в этом куплете узнает следующие стихи подлинника?

*Puis voulant rendre sensible
Un roi, qui fuirait l'ennui,
Sur un olivier paisible
J'irais chanter pres de lui.
Puis j'irais jusqu'ou s'abrite
Quelque iamille proscrite,
Porter de l'arbre un rameau.
Le volerais vite, vite, vite,
Si j'etais petit oiseau [17].*

В этой же пьесе есть у Беранже стихи:

*Puis j'irais charmer Termite
Qui, sans vendre l'eau benite,
Donne au pauvre son manteau [18].*

У г. Курочкина эти стихи изменены, не совсем удачно, таким образом:

*Где пустынный в чаще бора,
Не спуская с неба взора,
Братьев не забыл.*

В некоторых пьесах г. Курочкин совершенно напрасно вставлял в пьесы Беранже некоторые руссизмы. Особенно неловко вышло это в пьесе «Кукольная комедия». Начинается эта песнь тем, что

*Шел некогда корабль из Африки
далекой;
На рынок негров вез британец, ка-
питан.*

Капитан этот вздумал забавлять негров марионетками, и в марионетках вдруг является у г. Курочкина Петрушка, а потом

*К Петрушке будочник откуда ни
явись...*

В подлиннике, конечно, вместо Петрушки Polichinel, а вместо будочника monsieur le commissaire [19]. Вся пьеса у Беранже выдержана превосходно; г. Курочкин испортил ее

своею переделкою. Просто перевести ее было бы гораздо лучше; особенно надобно заметить это о заключительных стихах, с которыми, несмотря на все старания, г. Курочкин никак не мог справиться.

Иногда не совсем выдерживается в переводе характер подлинника. Например, всеми замеченный у нас перевод пьесы «Le sénateur» [20] (у г. Курочкина «Добрый знакомый») испорчен несколькими неудачными отклонениями и особенно концом. В подлиннике муж является до конца простодушным, доверчивым человеком и ни одним словом не выказывает, чтоб у него в душе были подозрения. В переводе тонкие черты подлинника заменены более крупными и отчасти грубоватыми, так что муж довольно ясно уже является низким подлецом, заведомо продающим свою жену. Напр., в подлиннике говорится: «Если меня после обеда задержит дома дурная погода, он обязательно предлагает мне воспользоваться его экипажем». У г. Курочкина же граф бесцеремонно выживает из дому мужа:

А что за тонкость обращения!

*Приедет вечером, сидит...
«Что вы всё дома, без движенья!
Вам нужно воздух», – говорит.
– Погода, граф, весьма дурная...
«Да мы карету вам дадим».*

Далее в подлиннике рассказывается: «Раз вечером он увез нас к себе в деревню. Там он напоил меня шампанским, так что уж Розе пришлось спать одной... Но мне отвели, бо-жусь, лучшую постель во всем доме». Историю эту у г. Курочкина муж рассказывает с краткостью, несколько подозрительно:

*Жена уснула в спальне дамской,
Я – в лучшей комнате мужской...*

Такое же впечатление производят в следующем куплете стихи перевода:

*Крестить назвался непременно,
Когда господь мне сына дал.*

В подлиннике не он назвался, а сам отец его позвал в крестные отцы.

Но всего хуже конец. В подлиннике он имеет такой вид: «Я с ним запанибрата и шу-чу с ним очень смело. Раз я до того расшутился, что сказал ему за десертом: «А ведь знаете

что, – я уверен, что многие думают, будто вы мне рога приставляете». Шутка эта окончательно рисует перед нами этого добродушного и слепого мужа. Что же сделал из нее г. Курочкин? Вот как перевел он последний куплет:

*А как он мил, когда он в духе!
Ведь я за рюмкою вина
Хватил однажды: «Ходят слухи,
Что будто, граф... моя жена...
Граф, говорю, приобретаю...
Трудясь... я должен быть сле-
пым...»
Да, ослепит и честь такая!
Ведь я червяк в сравненье с ним.*

Очевидно, что здесь муж является уже не тем, чем он представляется у Беранже, и изменение, по нашему мнению, сделано не в пользу перевода. Русские читатели могут убедиться в этом даже сравнением перевода г. Курочкина с переводом г. Д. Ленского^{10}.

Впрочем, мы должны заметить, что такие уклонения от существенного смысла подлинника г. Курочкин позволяет себе довольно редко. Большею частью переводы его верно

воспроизводят то общее впечатление, какое оставляется в читателе пьесою Беранже. Есть у г. Курочкина несколько пьес, переведенных необыкновенно удачно; даже рефрены очень хорошо удаются ему. Довольно указать на известную всем пьесу «Как яблочко румян», чтобы дать понятие о той ловкости и легкости стиха, какою владеет г. Курочкин. Как переводчик Беранже, г. Курочкин приобрел уже известность в публике, и известность эта вполне заслужена. Если он и не возвышается иногда до силы и грации беранжеровского стиха, то это отчасти неизбежно во всяком переводе, а отчасти даже могло и не зависеть прямо от таланта переводчика, а быть следствием других условий, в которых он вовсе не виноват^{11}. Во всяком случае, не говоря уже о том, что г. Курочкин лучший у нас переводчик Беранже, надобно сказать, что переводы его принадлежат к числу лучших поэтических переводов, существующих в русской литературе.

Сноски

1

изящные остроуты (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

2

«Вакханка», «Добрый папа», «Реликвии», «Старый холостяк», «Добрый бог» (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

3

вдвойне (франц.). – Ред.

[^^^]

4

«Народ – это моя муза» (франц.). – Ред.

[^^^]

5

«Совет бельгийцам» (франц.). – Ред.

[^^^]

6

Не служи ничему, кроме него. Его дело свято; он страдает, и всякий великий человек есть посланник божий для блага народа.

[^^^]

7

[Как любят красавицы и властители злоупотреблять своей огромной властью! Сколько любовников и областей доводят они наконец до отчаяния! Бойся, чтобы враждебное восстание не произошло в твоём будуаре? Лиза, откажись от своей тирании для блага тебе подвластных].

[^^^]

8

«Добрая старушка» (франц.). – Ред.

[^^^]

9

*Вас научил любить я Францию
мою, —
Скажите сыновьям ее героев но-
вых,
Что славу прошлого с надеждой я
пою
Теперь, в лихие дни ее судеб суро-
вых.*

*(Перевод с франц. А. А. Коринфско-
го.). – Ред.*

[^^^]

10

«Да здравствует гризетка!» (франц.). – Ред.

[^^^]

11

припев (франц.). – Ред.

[^^^]

12

*Бедняки, бедняки,
Они счастливые люди;
Они любят друг друга.
Да здравствуют бедняки!*
(франц.). – Ред.

[^^^]

13

*Судьба, конечно, несправедлива,
Но она не всегда сурова (франц.). –
Ред.*

[^^^]

14

*Вы, кто страшитесь рабства,
Ах, не пойте ваших нежных песен
Этим знатным дворянам, кото-
рые из поколения в поколение
Вместо песен несут вам оковы.
В то время как они потихоньку
Раболепствуют перед троном,
Я воспеваю свободу:
Соловьи, – пойте для меня
(франц.). – Ред.*

[^^^]

15

*Экипаж богача.
Проезжая, забрызгивает грязью;
Я вижу наглость
Богача и вельможи;
От их наглой надменности
Ничто не ограждает нас
(франц.). – Ред.*

[^^^]

16

*Свобода меня влечет,
Но у меня большие требования
(франц.). – Ред.*

[^^^]

Потом, желая умилоствивить
Царя, изнывающего от скуки,
На мирном оливковом дереве
Я стал бы петь для него.
Потом я полетел бы туда, где
укрылись
Несчастные изгнанники,
Я принес бы им весть милосердия.
И так летал бы быстро, быстро,
Если бы я птичкой был (франц.). –
Ред.

[^^^]

18

*Я преклонялся бы перед отшель-
ником-монахом,
Который, не торгуя святой водой,
Отдает бедному свою одежду*
(франц.). – Ред.

[^^^]

19

господин комиссар (франц.). – Ред.

[^^^]

«Сенатор» (франц.). – Ред.

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Дата цензурного разрешения первого издания «Песен Беранже» – 18 октября 1857 г.

[^^^]

2

Второе издание «Песен Беранже» в переводе В. Курочкина открывалось стихотворением Курочкина «18 июля 1857 года» (день похорон Беранже). Стихотворение впервые было напечатано в «Русском вестнике», 1858, май, кн. I.

[^^^]

3

Строки из поэмы Пушкина «Граф Нулин» (1825).

[^^^]

4

В переводе этого и других отрывков из предисловия Беранже к своим песням есть ряд неточностей и пропусков, которые мы не будем оговаривать.

[^^^]

5

Имеется в виду стихотворение «Traite de politique a l'usage de Lise» («Политический трактат для руководства Лизеты», май 1815).

[^^^]

6

Из стихотворения «Бабушка» в переводе В. Курочкина.

[^^^]

7

Малек-Адель – герой романа французской писательницы С. Коттен «Матильда» и трагедии Николева «Малек-Адель».

[^^^]

8

Добролюбов приводит два стихотворения (№ 73, 74) Гейне из цикла «Возвращение на родину» (1823). Переводы этих стихов принадлежат самому Добролюбову.

[^^^]

9

Намек на цензурный режим в царской России.

[^^^]

10

Перевод Д. Ленского был опубликован в кн. XI «Современника» за 1857 г.

[^^^]

11

Добролюбов вновь имеет в виду цензурные условия, в силу которых переводчик вынужден был смягчить политическую остроту стихотворений Беранже.

[^^^]

[^^^]